
МАКАРИЙ <М. П. БУЛГАКОВ>, МИТРОПОЛИТ

<О начале протестантского присутствия в России> **<Фрагмент>**

III

Идеи лютеранства, явившегося в 1-й четверти XVI в. и быстро распространившегося в разных странах Западной Европы и в соседних нам Польше, Литве и Ливонии, начали проникать к нам очень рано и на первый раз могли встретить у нас сочувствие со стороны тех, которые еще продолжали тайно держаться некоторых начал ереси жидовствующих. Еретик Башкин, осужденный Собором в 1553 г. и сознавшийся, что свое злое учение он принял от аптекаря Матфея, родом литвина, да от Андрея Хотеева, которых Курбский справедливо признает лютеранами, сознался вместе, что «утверждали его в том» лжеучении заволжские старцы, издавна известные своею расположенностю к жидовствующим. Максим Грек († 1556) увидел нужду написать сочинение и «на люторы», хотя ограничился в нем только защитою православного иконопочитания. Последователи лютеранства и вообще протестантских сект нередко приходили в Россию из Литвы, Ливонии, Германии, Дании, Голландии, Англии в качестве посланников от своих государей, а еще чаще по делам торговли и проживали в Москве, Новгороде, Пскове и других городах; иные вызываемы были из-за границы нашим правительством как искусные мастера и художники; еще иные переселялись к нам сами и занимались разными ремеслами или поступали на государеву службу. Всего же более рассеялось по России немцев (как называли у нас тогда преимущественно лютеран и прочих протестантов) из Ливонии в продолжение счастливой Ливонской войны: их выводили в качестве пленных целыми тысячами и продавали или раздавали даром в Новгороде, Твери, Москве и где приходилось, а в 1565 г. царь вывел из Дерпта даже всех немцев и сослал во Владимир, Углич, Кострому, Нижний Новгород с женами и детьми. В Москве немцы селились

в новой немецкой слободе на берегу Яузы. Сначала приняли у нас протестантов довольно благосклонно: в них видели прежде всего рьяных врагов папства и, следовательно, как бы своих союзников против ненавистных латинян. Лютеранам и кальвинистам царь позволил иметь в Москве две церкви; с уважением относился к дерптскому пастору Веттерману, переселившемуся с своими прихожанами в Россию, приказав открыть для него царскую библиотеку; любил слушать проповеди голштинского пастора Христиана Бокгорна и открыто высказывал, что лютеранская учение, по-видимому, близко к истине и что его можно было бы терпеть, если бы Лютер, нападая с неудержимою силою красноречия на папское иго, не ниспровергал древнего церковного чина и не помрачил своих познаний в Священном Писании постыдным отступничеством, свергнув с себя монашеские одежды и клобук и женившись на монахине. Некоторые лютеране и кальвинисты, приходившие из Германии и Англии или находившиеся при государе на службе, пользовались особым его благоволением и доверием. Он часто беседовал с ними о верованиях и обрядах у иностранных народов и с большим вниманием выслушивал то, что сообщали ему о новых христианских сектах, их учении и различии их между собою. Один из этих любимцев царя (Эберфельд) будто бы пытался даже склонить его к принятию Augsбургского исповедания. Но когда царь близко узнал дух и характер протестантских исповеданий, когда русские увидели и услышали, что протестанты отвергают посты, почитание икон, призывание святых, монашество и пр., тогда взгляд на протестантов у нас совершенно изменился: их начали считать еретиками, злыми еретиками, и царь, опасаясь ли того, чтобы они не заразили своим учением русских и не ввели в России разных сект, или недовольный тщеславием и наглостию протестантов, приказал (в 1579 г.) сжечь обе их церкви в Москве, хотя через пять лет по ходатайству английского посла Горсея¹, если верить ему, вновь разрешил им построить церковь за городом.

В начале 1570 г. Иван Васильевич имел торжественную беседу о вере с одним из членов общины чешских и моравских братьев — Иваном Рокитою, приходившим к нам при послах польского короля Казимира² в качестве их пастора, и в этой беседе царя со всею ясностию обнаружилось, как понимали тогда в России лютеранство и однородные с ним религиозные секты. Беседа происходила в палатах государевых на особо устроенном и богато украшенном возвышении, в присутствии не только польских послов и множества русских бояр, но и в присутствии русского духовенства. Первое слово принадлежало

царю, и он, обращаясь к Роките, сказал: «Вы привыкли хвалиться своею евангелическою верою, но на деле между вами постоянно происходят шумные разделения, и вы своими новыми доктринаами перевернули почти всю Европу, так что нельзя было бы тому и верить, если бы до нас не доходили, к великому изумлению, почти ежедневные о том вести. Мы знаем, что мнения вашей секты заключались в лжеучениях еще древних еретиков и давно уже рассмотрены и строго осуждены многими Соборами и христианскими учеными. Но как не подивиться, что вы проповедуете и неизвестные прежде ереси, приписывая оправдание человека одной вере, когда сказано, что придет Господь судить живых и мертвых и воздаст каждому награду по делам его? Если одна вера доставляет вечное блаженство, то для чего нужен Суд и зачем так часто в Новом Завете усвоется достоинство нашим делам? Гус и Лютер, эти опустошители древней Церкви, ни от кого не получили законной власти учить и не совершали чудес, какие по обетованию Спасителя творили истинные Его ученики, так и ты не имеешь законного права учить, не можешь совершать чудес, не должен считаться проповедником Евангелия. Помним слова трехблаженного Павла: *Како проповедят, аще не послани будут?* (Рим. 10: 15). Подумай же теперь, Рокита, своим умом, кто вас, бедных, послал на проповедь; подумай, наконец, что вы проповедуете; подумай, какими недостойными способами вы разрушаете драгоценный союз Христова стада? Живете вы невоздержно, уподобляясь свиньям; осуждаете и отвергаете по ненависти к Церкви посты, которые служат к здоровью тела и души, тогда как Господь заповедал нам бдеть и воздерживаться... Ненавидите вы и святых на небе, порицаете их, разрушаете их храмы и алтари, а они между тем, обитая в небесном свете, могли бы много приносить вам пользы своим ходатайством пред Богом, Который еще во дни земной их жизни изгонял по молитвам их демонов, воскрешал мертвых. Святым иконам вы не только не воздаете никакой чести, но выбрасываете их из ваших храмов и жилищ, тогда как ими следовало бы украшать все стены всяких зданий. Такое злодейство тем более должно считаться важным, что вы тут неистовствуете и против Самого Бога...» Это и многое другое говорил Иоанн и затем приказал Роките отвечать смело и свободно, без всяких опасений, обещаясь слушать его с полным вниманием и снисхождением. Тогда Рокита, который знал славянский язык, произнес весьма обширную и красноречивую речь, давая в ней по порядку отзывы на все те мысли, какие высказаны были царем против протестантов; раскрывал учение их об оправдании верою и значении

добрых дел; доказывал, что Лютер имел право учить, как имеют то же право и прочие протестантские учителя, хотя и не совершают чудес; объяснял, как понимают протестанты пост, почему не признают ходатайства святых, почему отвергают почитание икон и монашество. Оратор говорил с большою энергией и по местам не только смело, но слишком дерзко, стараясь, впрочем, направлять свои слова против Римской церкви и умалчивая о Греческой или даже выражая к ней удивление. Грозный царь сдержал свое обещание: он слушал речь внимательно, терпеливо и ни разу ее не остановил, хотя в ней было немало такого, что могло возмутить его душу. Он даже объявил, что речь Рокиты ему понравилась, но приказал изложить ее на бумаге и прибавил, что напишет на нее опровержение.

В мае того же 1570 г. царь действительно доставил Роките обещанное опровержение на его речь. Это любопытное опровержение, сохранившееся, к сожалению, только в латинском переводе, как и все предшествовавшее собеседование царя с Рокитою, состоит из 14 глав, которые, впрочем, большую частью очень кратки и по содержанию своему могут быть подведены под два отдела. В одних главах царь высказывает свои мысли о Лютере и о последующих проповедниках лютеранства. Лютер, говорит царь, как по своей жизни, так и по своему имени на нашем языке был человек лютый, свирепый. Устремившись на Христа, он ниспроверг Его установления, низвратил учение апостолов и святых отцов и дал Священным Писаниям не тот смысл, какой они заключают в себе, а какой внушил ему его испорченный разум (гл. 1). Как сатана с своими демонами повсюду обольщает людей, так и вы являетесь способниками ему в этом коварстве. Лютер не имел законного права учить, не был ни апостолом, ни епископом и ни от кого не был послан на учительство (гл. 9). Подобно Лютеру, и прочие проповедники лютеранства не суть законные учителя: они не имеют посланничества от Христа, низвращают слово Божие, отвергают все преданное святыми отцами. К ним прилагает царь разные места Священного Писания, в которых говорится о лжепророках и лжеучителях, о волках, татах и разбойниках, и восклицает: «О вы, погибшие, которые по своей прихоти низвращаете Писание!.. Оставив законных пастырей, учителей и самих апостолов, вы ниспровергаете заповедь Христа и вновь распинаете Его в вас самих... И мы по всей справедливости поражаем вас, врагов истины, громом проклятия. Вы антихристы, потому что антихрист тот, кто восстает против Христа» (гл. 2, 4, 8). В частности, Рокиту, а в лице его и вообще лютеран царь не соглашается называть даже христианами, потому что они следуют

учению не Христа, а Лютера, и называет их врагами Креста Христова и собаками (гл. 3, 7). В других главах Иван Васильевич разбирает учение лютеран и их отступления от истины; опровергает их учение об оправдании учением апостола Иакова о делах и примерами добродетелей ветхозаветных праведников (гл. 6); обличает лютеран за то, что они не почитают Божией Матери и других святых, в частности апостолов и отцов Церкви, не призывают угодников Божиих в молитвах и редко совершают у себя литургию и таинство Евхаристии (гл. 6, 11, 12); отстаивает церковные посты (гл. 10) и иконопочитание и при этом объясняет, что известные изречения о кумирах, приводимые из Деяний апостольских и вообще из Ветхого Завета, относятся к идолам, а не к священным изображениям, и указывает на древнейшие иконы от времен апостольских и на чудеса, совершающиеся от святых икон (гл. 5, 13); наконец, с жаром защищает монашество и, между прочим, говорит: «Ни Христос, ни апостолы не имели жен. Если у Петра были теща и жена, то это было прежде, нежели он последовал за Христом; равно и все апостолы, как только сделались последователями Христа, жили в чистоте, и теци стали для них матерями, а жены сестрами... Для сохранения чистоты лучше воздерживаться от супружества и употребления мяса, но те, которые не дали такого обета, могут жить в супружестве и есть мясо, лишь бы исполняли заповеди Христовы, которые даны равно и для монахов и для мирян» (гл. 14). Нельзя сказать, чтобы сочинение нашего государя, так любившего заниматься религиозными вопросами и прениями, отличалось раздельностию понятий, последовательностию и основательностию, но оно проникнуто самою живою ревностию о православии и нескрываемою неприязнию к лютеранству и переполнено множеством текстов из Священного Писания, которое царь знал очень подробно. Под конец последней главы своего сочинения он обратился к Роките с следующими словами: «Ты в моих глазах еретик, потому что все твое учение превратно и совершенно противно христианскому и церковному учению, и не только ты еретик, но и слуга антихристов, воздвигнутый дьяволом. Не один ты лютеранин, есть и другие, еще худшие тебя. Потому мы запрещаем тебе распространять свое учение в наших владениях».

Несправедлива мысль, встречающаяся у протестантских писателей, будто Иван Васильевич предпочитал протестантство католицизму, хотя и правда, что некоторых протестантов он особенно приближал к себе и нередко увлекался их советами. Если он резко отзывался о папе, то еще более резко — о Лютере и других проповедниках лютеранства. Если латинян называл еретиками,

то лютеран не хотел называть даже христианами. Если латинянам не дозволил иметь свою церковь в России, а протестантам дозволил построить новую, после того как велел сжечь две прежние их церкви, то дозволил из внимания к ходатайству английского посла, а отнюдь не из какого-либо расположения к самому протестантскому исповеданию. Зато, с другой стороны, дозволял иногда латинянам входить в русскую церковь, а протестантам не дозволял, водясь, конечно, тою мыслию, что первые, подобно православным, признают и призывание святых в молитвах, и поклонение иконам, а последние не признают; сам пригласил, например, Антония Поссевина в Успенский собор и тут же присовокупил: «Только смотри, Антоний, не введи с собою в церковь кого-либо из лютеран». Если при завоевании Ливонии разрушал все латинские церкви и выгонял всех латинских священников, то точно так же поступал и с лютеранскими церквами и священниками. Сами латиняне и протестанты, несомненно, старались действовать на Иоанна во вред друг другу и в пользу своих исповеданий. Любимцы царя из протестантов сильно настраивали его против папы и папского посла Антония, и под их-то, может быть, влиянием царь и не согласился дозволить латинских церквей в России, несмотря на все просьбы Антония. А последний именем папы просил, чтобы царь не держал у себя «магистров люторских, немецких, которые не знают Пречистыя Богородицы и святых Божиих, а чтобы держал правдивых священников веры римской». Но Антонию на это сказано было то же самое, что не раз говорили ему: в Русском государстве живут многие люди всяких вер, и живут все своим обычаем, их не стесняют, не преследуют, но только никому из них не позволяют совращать русских в свою веру. Русские — повторим вслед за самими иностранцами, посещавшими тогда наше отчество, — только одних себя признавали истинными христианами, а всех прочих христиан, в том числе и протестантов, и латинян, считали еретиками, даже не лучшими турок, и всех не только католиков, но равно и протестантов и других перекрецывали в случае принятия ими православия. <...>

